

УДК 81.161.1'367
DOI 10.17223/18137083/74/23

Абсолютные обособленные обороты в русской поэтической речи от Кантемира до Лермонтова

Н. В. Патроева

*Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу конструкций с абсолютными (независимыми) обособленными оборотами, извлеченными из стихотворных текстов русских поэтов эпохи барокко, классицизма, сентиментализма и романтизма. Употребление независимого деепричастного оборота было поддержано давней славянской традицией дательного самостоятельного, уже в старорусскую эпоху часто заменявшегося на оборот с застывшим активным причастным нечленным номинативом (деепричастием), что обусловило большую активность абсолютного функционирования именно деепричастных независимых оборотов. История независимых обособлений в русской поэтической речи от Кантемира до Лермонтова демонстрирует, с одной стороны, размах речевого эксперимента по «внедрению» в русскую речь синтаксических галлицизмов самых разных типов – причастных, адъективных, субстантивных (в виде приложений и сегментов), местоименных; с другой – узкие временные рамки этого вхождения в язык «аграмматических», т. е. нарушающих линейную цепочку традиционных подчинительных синтетических связей, элементов, а также активное сопротивление употреблению нерусских оборотов. Независимые обособленные обороты служили целям экономного и соответствующего строгим рамкам стихотворной строки выражения значений обусловленности, конкурируя с придаточными частями: обособление, не требующее введения подчинительного союза, сразу удлиняющего строку и метрическую схему, позволяло выдвигать каузативный смысл на первый план в структуре поэтического высказывания. Эксперименты с абсолютным обособлением – яркое свидетельство усиления тенденций к анализируемому в эволюции русского литературного языка Нового времени и – одновременно – сильного и победного сопротивления этим тенденциям со стороны грамматической системы, охраняющей свои традиционные синтетические основы от чуждого влияния.

Ключевые слова

русский синтаксис XVIII–XIX вв., абсолютные обороты, независимые обособленные синтагмы, деепричастные обороты, причастные обороты, адъективные обороты, субстантивные обороты, сегментированные конструкции

Для цитирования

Патроева Н. В. Абсолютные обособленные обороты в русской поэтической речи от Кантемира до Лермонтова // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 308–320. DOI 10.17223/18137083/74/23

© Н. В. Патроева, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 1
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 1

Absolute isolated phrases in Russian poetic speech from Kantemir to Lermontov

N. V. Patroeva

*Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation*

Annotation

The paper presents the analysis of the constructions with absolute (independent) isolated phrases extracted from the poetic texts of Russian poets of the Baroque, Classicism, Sentimentalism, and Romanticism. The use of an independent dangling participle was supported by the old Slavic tradition of the independent dative case and, already in the old Russian era, an independent dangling participle was often replaced by the construction with a frozen active participial inseparable nominative (adverbial participle), leading to more active absolute functioning of independent dangling participles. On the one hand, the history of independent isolations in Russian poetic speech from Kantemir to Lermontov demonstrates the scope of the language experiment on the “introduction” of syntactic Gallicisms of various types into the Russian speech – participial, adjective, substantive (in the form of applications and segments), pronominal ones. On the other hand, it shows a narrow timeframe of this entry of “agrammatic” (i.e., breaking the linear chain of traditional subordinating synthetic connections) elements into the language, as well as strong resistance to using non-Russian constructions. Experiments with absolute isolation are vivid evidence of the increasing tendency towards analytism in the evolution of the Russian literary language of the New Time and, at the same time, strong and victorious resistance to these tendencies on the part of a grammatical system protecting its traditional synthetic bases from the alien influence.

Keywords

Russian syntax of the 18th – 19th centuries, absolute phrases, independent isolated syntagmas, dangling participles, participial constructions, adjective phrases, substantive phrases, segmented constructions

For citation

Patroeva N. V. Absolute isolated phrases in Russian poetic speech from Kantemir to Lermontov. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 308–320. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/23

Проблема формирования русского литературного языка анализируется лингвистами обычно как проблема лексикологическая, «проблема словаря» [Живов, 1996, с. 6], т. е. прежде всего в аспекте соотношения старославянских и собственно русских элементов. Однако отличия между двумя книжно-литературными традициями самими грамматистами-нормализаторами и мастерами слова в их языковом сознании связывались, скорее, с грамматическим строем: поэтическая лексика и фразеология «высокого штиля», перенятая из церковнославянской и древнерусской книжности, не исчезает и с победой «нового слога» над «старым»: усвоив лучшие образцы классицистической традиции, карамзинская школа, разумеется, опиралась на них в своих языкотворческих исканиях, и потому не столько лексический, сколько синтаксический строй языка оказывался тем благодатным полем, на котором было возможно развертывание авторских новаций эпохи сентиментализма и – далее – романтизма. Г. О. Винокур отмечал: «...формы именительного падежа единственного числа причастий мужского рода без звука *щ* в настоящем времени и звука *ш* в прошедшем времени типа *давай*, *давший* и т. п. для русского человека первой половины XVIII в. были наделены гораздо более

сильной экспрессией старины и церковности, чем церковнославянские слова...» [Винокур, 1959, с. 126]. Хотя синтаксическая теория в целом не получила еще глубокого и всестороннего осмысления в грамматических трудах XVIII – первой половины XIX столетия (см. подробнее, например: [Патроева, 2016, с. 16–22]) и не было еще ясного представления о том, каким должен стать литературный текст, написанный на русском языке, проблемы выработки новых синтаксических норм занимали умы реформаторов литературного языка, мастеров слова переходного периода, оказывались предметом оживленных дискуссий о судьбах «старого» и «нового слога». В связи с этим не столько грамматики эпохи реформ от Ломоносова до Пушкина, сколько поэтическая практика, оказавшая непосредственное влияние на формирование, отбор и закрепление новых литературных норм, представляет с историко-стилистической точки зрения несомненный интерес как главный источник сведений о состоянии грамматической системы русского языка середины XVIII – первой половины XIX столетия. Задачей статьи является анализ функционирования абсолютных, или независимых, обособленных синтагм в поэтической речи, – конструкций, которые не могли не стать предметом лингвистических споров между представителями «старого» и «нового слога» [Лотман, 1975], если иметь в виду не только обороты-галлицизмы, но и архаичный «дательный самостоятельный».

Согласно данным «Синтаксического словаря русской поэзии», работа над которым ведется коллективом лингвистов Петрозаводского госуниверситета, абсолютные обособленные синтагмы, особенно причастные, встречались в стихотворных текстах нечасто. Обычно употребление грамматически независимых обособленных групп связывается грамматистами с влиянием французского синтаксиса на русский язык карамзинской и пушкинской поры. Л. А. Булаховский замечает по поводу французского влияния: «Проникновение в литературный русский язык синтаксических галлицизмов, начавшееся в середине XVIII века, не прекращается и в первые два десятилетия XIX-го, несмотря на естественную оппозицию им – выдвижение роли “своего” языка...» [1954, с. 261]. Распространение галлицизмов¹ в русском литературном языке беспокоило как представителей «старого слога», так и сторонников «нового». Но если «Шишков сосредоточивает борьбу с галлицизмами на лексическом уровне, то Карамзин это делает на уровне синтаксиса и фразеологии» [Успенский, 1985, с. 30]. Наш материал подтверждает немногочисленность синтаксических заимствований в поэтической речи – вот редкие примеры употребления независимых причастных оборотов, использованных Третьяковским, Державиным и Жуковским: *Очи с плача помутились, От врагов весь сокрушен...* (Третьяковский, 1963, с. 185); *Обсаженный семьей моей, Средь коей сам я господин, И тут-то вкусен мне обед!* (Державин, 1985, с. 207); *Его проклятием навекиотягченный, Твое убежище лишь смерть!*... (Жуковский, 1959, т. 1, с. 26); *Слиянны во хвалу, слиянны в обожанье, Да гимн ваш потрясет небес огромный храм!*... (Жуковский, 1959, т. 1, с. 82); *И, распаленные душой, Влекомы ожиданьем, Для вас взойдет краснее день...* (Жуковский, 1959, т. 2, с. 96). Между тем причастная конструкция «именительный самостоятельный», субъект которой не совпадал с субъектом главной предикации, встречалась еще в старославянских памятниках, но только поздних (по данным Р. Вечерки, в «Супрасльской рукописи» [Večerka, 1996]; В. М. Живов приводит отдельные

¹ О синтаксических галлицизмах см., например, в работах: [Листрова-Правда, 1986; Хютль-Ворт, 1974].

примеры употребления именительного самостоятельного в «Повести временных лет», «Киевской летописи», «Московском летописном своде» [Живов, 2017, т. 1, с. 417–426] – гибридных нарративных текстах). «Именительный самостоятельный» являлся более автономным в структуре предложения элементом, чем «дательный самостоятельный», «субординированность которого подчеркивается также косвенным падежом агенса» [Живов, 2017, т. 1, с. 424]. Однако подобное независимое номинативное причастное употребление, не поддержанное многовековой грамматической традицией, следует признать аномальным, нестандартным восточнославянским новообразованием², в силу чего «именительный самостоятельный» ранней эпохи языкового развития вряд ли можно считать непосредственным предшественником абсолютных оборотов ломоносовской и карамзинской эпохи.

Если в Петровскую эпоху заимствования из западноевропейских языков были знаком принадлежности к формирующейся новой светской культуре, то в середине XVIII столетия пуризм и борьба с заимствованиями становятся актуальной и реализуемой теоретиками русского классицизма задачей (Ломоносов, Сумароков, поздний Тредиаковский). С конца XVIII в. абсолютные обороты несколько расширяют свое хождение в узусе, в том числе и в поэтическом дискурсе, – главным образом деепричастные. А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» определяет как строгое нормативное требование то, что деепричастие и глагол «должны выражать действия одного и того же лица» [РГ, 1831, с. 241]; ту же норму оговаривает Н. И. Греч [ПРГ, 1834, с. 346–347]. Греч и Востоков, очевидно, ориентировались на мнение, высказанное М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике» 1755 г.: «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастие от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласовываться с главным глаголом личным...» [Ломоносов, 1952, с. 566–567] (эту мысль Ломоносова повторяет почти без изменения А. А. Барсов [РГ Барсова, 1981, с. 233–234]). Однако в своей одической практике сам Ломоносов по крайней мере в двух случаях нарушил это правило: *Парящей слыша шум Орлицы*, Где пышный дух твой, Фридерик? (Ломоносов, 1959, с. 151); *Низвергнув Петр врагов*, она в Петровы следы Ко одержанию подобныя победы (Ломоносов, 1959, с. 224).

Независимые деепричастные синтагмы встречаются и в памятниках старорусской письменности³, и в разговорной устной речи, и в фольклоре (см. примеры у Ф. И. Буслаева [1959, с. 536] и А. А. Шахматова [2014, с. 300]), а потому не могут уже рассматриваться как безусловно чуждые русскому языку заимствования [Мещерский, 1976, с. 87], и «это заставляет положение о французском влиянии... принимать с осторожностью» [Булаховский, 1954, с. 270] в данном случае, но активизация независимых деепричастных оборотов в XVIII – первой трети XIX столетия была вызвана, несомненно, влиянием французского языка (о чем пишет, например, И. И. Ковтунова [1964, с. 397]). Подобные конструкции, имевшие, по данным Л. А. Булаховского и И. И. Ковтуновой, довольно жесткие стилистические ограничения (мемуары, историческая литература, записки, дневники, письма), поскольку никогда не признавались нормативными в грамматиках русского

² См. о древнерусских несогласованных причастных конструкциях в работе [Пичхадзе, 2016, с. 499–515].

³ Об абсолютных деепричастных оборотах в письменных памятниках старшей поры см. [Припадчев, 1979].

языка, очень редко используются поэтами: лишь 10 репрезентаций, по данным синтаксического словаря, в подвергшихся синтаксической разметке памятниках XVIII столетия и только незначительная активизация (по 4 – у Пушкина и Баратынского, по 3 – у Крылова и Лермонтова, 2 – у Вяземского) в 1810–1830-е гг. Поэзия в начале XIX в. была ареной борьбы и становления новых правил литературного русского словоупотребления, а потому раньше иных освобождалась от всякого рода нормативных искажений и нарушений: Но что мной зримая вселенна? И что перед тобою я? В воздушном океане оном, *Миры умножа миллионам Стократ других миров*, – и то, Когда дерзну сравнить с тобою, Лишь будет точкою одною... (Державин, 1985, с. 53); Хотя я и не пророк, Но, *видя мотылька*, что он вкруг свечи вьется, Пророчество почти всегда мне удается: Что крылышки сожжет мой мотылек (Крылов, 1945, с. 154); *Качаясь на ногах, Мечтанье обнимаю*, Любовь его ведет... (Пушкин, 1985, с. 92); *Приметив юной девы грудь, Судьбой случайной, как-нибудь, Иль взор*, исполненный огнем, Недвижно сердце было в нем... (Лермонтов, 1989, т. 1, с. 145); На берегу, под тенью дуба, *Пройдя завалов первый ряд*, Стоял кружок <...> (Лермонтов, 1989, т. 2, с. 60); и др. примеры. Подчеркнем, что не раз обвинявшийся в своем пристрастии к французскому языку Н. Карамзин⁴ абсолютные обороты, по крайней мере в своих стихотворениях, не использует.

Несогласованный адъективный оборот, встречается крайне редко: *С утра дней счастлив и славен*, Кто тебе, мой мальчик, равен? (Баратынский, 1989, с. 200); *Вечно холодные, вечно свободные*, Нет у вас родины, нет вам изгнания (Лермонтов, 1989, т. 2, с. 56). Абсолютные субстантивные обороты («сочетания предикативно окрашенных обособляющихся имен существительных со сказуемыми, которым формально принадлежит другое лицо» [Булаховский, 1954, с. 266] (см. также [Виноградов, 1935, с. 316]) в анализируемых текстах также встречаются спорадически (больше таких репрезентаций у П. Вяземского): *Друг смертных, гений в багрянице*, Глагол его есть глас отрад... (Дмитриев, 1967, с. 324); *...Счастливец*, мой поцелуй Сладко ее усыпят под шумом порывистым ветра... (Дмитриев, 1967, с. 102); *Дней Петровых современник*, Взяли в плен его враги... (Вяземский, 1982, с. 236); *И, званьем раб*, душой – к свободе вознестись?.. (Вяземский, 1982, с. 98); *На рубеже веков наш с предками посредник*, *Заветов опыта потомкам проповедник*, О суточных врагах ему ли помышлять? (Вяземский, 1982, с. 117); *Дочь туманного созвездья*, Красных дней и ей не знать... (Вяземский, 1982, с. 201). Пример маргинальных абсолютных обособлений представляет собой независимый местоименный оборот у В. К. Третьяковского в оде: «...*Твои и от твоих неложно*, Ах! потщися, дело возможно, Престань, всех нас радость, рыдати». (Третьяковский, 1963, с. 138)

К независимым обособленным оборотам, помимо номинативных с причастием или именем, разумеется, может быть причислен и «дательный самостоятельный», появившийся в старославянском, по мнению многих историков языка, благодаря воздействию древнегреческого синтаксиса. С. И. Соболевский указывает, что «participium absolutum» в форме genetivus absolutus в древнегреческом «употребляется в смысле сокращенного обстоятельственного предложения времени, причины, условия, уступления» [Соболевский, 2016а, с. 348]. В латинском языке ему соответствует ablativus absolutus, в старославянском – дательный самостоятель-

⁴ В статье [Онипенко, Биккулова, 2016, с. 227] приведен пример использования абсолютного деепричастного оборота А. С. Шишковым.

ный [Соболевский, 2016б, с. 330]. Мы не будем, разумеется, вдаваться в историю споров ученых-славистов о заимствованном (из древнегреческого: А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев) либо исконном (А. А. Потебня, В. И. Борковский) происхождении оборота, отметим только, что на восточнославянской почве дательный самостоятельный мог сопровождаться тем же субъектом, что и главная часть предложения, соединяться с предложением сочинительным или подчинительным союзом, что также нарушало возможный греческий образец (Д. Ворт называет подобные случаи «негреческим» типом дательного самостоятельного [Worth, 1994]). О потере дательного самостоятельного русским языком сожалел еще Ломоносов, написав в параграфе 533 «Российской грамматики»: «Сожалительно, что из обычая и употребления вышло славенское в сочинении глаголов свойство, когда вместо деепричастий дательный падеж причастий полагался... В высоких стихах можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые принять. Может быть, со временем... сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится» [Ломоносов, 1952, с. 567]. Таким образом, Ломоносов считает независимое употребление деепричастных оборотов наследством, оставшимся от вышедшего из употребления дательного самостоятельного, что подтверждается исследованиями по синтаксису русского языка старшей поры. Так, «Историческая грамматика русского языка: Синтаксис: Простое предложение» под редакцией В. И. Борковского среди признаков разрушения дательного самостоятельного в старорусских памятниках указывает и употребление причастия в обороте в застывшей форме именительного падежа при имени или местоимении в дательном, что демонстрировало процесс формирования деепричастного оборота со значением времени или обусловленности, поэтому процесс перехода причастий в деепричастия стал одной из причин утраты дательного самостоятельного [ИГРЯ, 1978, с. 427–428]; ср. также с предположением А. А. Потебни, считавшим, что в основе такого оборота с деепричастием «могли бы лежать не только дательные, но и именительные самостоятельные» [Потебня, 1888, с. 337]. В нашем материале дательный самостоятельный зафиксирован только в панегирике у раннего Тредиаковского (что ожидаемо в силу «высокости» жанра, но не очень соответствует языковой программе раннего Тредиаковского) и в сатире Сумарокова (вполне очевидно, в ироническом ключе): *Тебе живущей*, всё здесь цветет, *Тебе хранящей*, всё радуется, *Тебе бдящей*, всё поспешает, *Тебе велящей*, всё слушает... (Тредиаковский, 1963, с. 126); Но, *зряцу мне в тебе перед собой уroda*, Прилично ли сказать: Высокого ты рода? (Сумароков, 1957, с. 185).

Интересно, что в Петровскую эпоху, когда реформирование светского книжного языка уже началось, поддержанное во многом указами «сверху», по повелению царя осуществлялась правка научных сочинений, связанная с устранением старославянских элементов (хотя вирши в это время писались на церковнославянском), или их перевод на «простой» русский язык, и трансформация «славенской» традиции коснулась также синтаксического уровня: например, «замена согласованных причастных форм в деепричастной конструкции на несогласованные, устранение дательного самостоятельного», заменяемого не только придаточным времени, но и «абсолютным деепричастным оборотом» [Живов, 2017, т. 2, с. 458]. В этой связи примечательно, что А. Д. Кантемир, прекрасно владевший несколькими западноевропейскими языками, из всех типов абсолютных оборотов употребляет именно деепричастные: Такие-то виды суть нашей к богу чести, *Не поминная чудес притворных и лести* (Кантемир, 1956, с. 184); Трудов, бед житье мое исполнено было, *Ища лучшего*, добро, бывше в руках, сплыло (Кантемир, 1956,

с. 237). В первой половине XVIII в., когда творил и Антиох Кантемир, независимый деепричастный оборот осознавался поэтом, очевидно, как вполне подобающий духу «простого» русского языка и соответствующий жанрам сатиры, эпиграммы, басни (борьба с «неправильными» грамматическими заимствованиями началась несколькими десятилетиями позднее), тем более что Кантемиру, прекрасно знавшему старославянский и древнюю словесность, вероятно, были известны и случаи замены дательного самостоятельного кратким несогласованным причастием в старорусских текстах, так что независимый деепричастный оборот не казался чуждым духу нового «простого» языка российского.

Конструкции с независимыми обособлениями, как когда-то дательный самостоятельный, выражают различные оттенки отношений обусловленности, чаще всего причинное значение. Являясь более экономным средством выражения в сравнении с придаточными частями сложноподчиненных предложений, обособленные синтагмы позволяют вынести каузацию на сильную начальную позицию в предложении (в то время как придаточные причины обычно постпозитивны при прямом порядке словорасположения), превратив фрагмент текста с оборотом или рядом оборотов в своеобразную «историю жизненных исканий», «диалектику души», в «экспозиционный» или «ретроспективный» контекст. Особенно ярко это проявляется в романтических элегиях: *Свободный наконец от суетных надежд, От беспокойных снов, от ветреных желаний, Испив безвременно всю чашу испытаний, Не призрак счастья, но счастье нужно мне* (Баратынский, 1989, с. 76); *Виновен я: на балах городских, Среди толпы, весельем оживленной, При гуле струн, в безумном вальсе мча То Делию, то Дафну, то Лилету И всем троим готовый сгоряча Произнести по страстному обету, Касаясь душистых их кудрей Лицом моим, объемя жадной дланью Их стройный стан, – так! в памяти моей Уж не было подруги прежних дней...* (Баратынский, 1989, с. 116); *Изралице судьбы, волнуемый страстями, Как ярым вихрем лист, – ужасный жребий твой Бороться с горестью, болезнями и собой!* (Жуковский, 1959, т. 1, с. 25). Реже оборот формирует «перспективный» контекст: *Шести досток жилец уединенный, Не зная ничего, оставленный, забвенный, Ни славы зов, ни голос твой Не возмутит надежный мой покой!..* (Лермонтов, 1989, т. 1, с. 241).

В поэтических текстах конца XVIII – первой половины XIX в. иногда используются аналитические конструкции с сегментом, формально не уподобленным последующему местоимению, – именительный представления в терминах А. М. Пешковского): *Сократ ли, истины учитель, Или правдивый Аристид, – Мне все их имена почтенны...* (Державин, 1985, с. 144); *Молитвы!.. нет тому в них нужды, Кто мудрыми боготворим...* (Дмитриев, 1967, с. 382); *Эмма, то, что миновало, Как тому любовью быть!* (Жуковский, 1959, т. 1, с. 322); *...О кудри мягки, их дыханье Благоуханней пышных роз...* (Дмитриев, 1967, с. 156). Вероятно, сегменты, не согласованные с анафорическими местоимениями, также распространились под влиянием французской поэзии. В русской разговорной речи такое вынесение на первое место именительного темы, соотносимого с косвенно-падежной формой местоимения, иногда встречается [PPP, 1973, с. 243], примеры подобных конструкций отмечены еще в берестяных грамотах как не книжном регистре древнерусского языка [Зализняк, 2004, с. 471], но в целом подобное «асинтаксически характеризваемое... нетипично для русского языка» [ТФГ, 1992, с. 206].

Итак, предварительные итоги анализа грамматически независимых оборотов в русской поэтической речи середины XVIII – первой трети XIX в. позволяет прийти к следующим заключениям:

1) на протяжении периода, когда судьбы русского литературного языка и поэтического слога были связаны наиболее тесно (в силу того, что в литературе лидирующее, главенствующее положение занимали именно поэтические жанры), происходили два тесно взаимосвязанных процесса: окончательного выхода из употребления конструкции «дательный самостоятельный» и вхождения в язык под влиянием французского синтаксиса целого спектра абсолютных обособленных групп;

2) употребление независимого деепричастного оборота было поддержано давней славянской традицией дательного самостоятельного, уже в старорусскую эпоху часто заменявшегося на оборот с застывшим активным причастным нечленным номинативом (деепричастием), что обусловило большую активность абсолютного функционирования именно деепричастных синтагм на фоне других, спорадически только используемых, независимых оборотов;

3) история независимых оборотов демонстрирует, с одной стороны, размах речевого эксперимента по «внедрению» в русскую речь синтаксических галлицизмов самых разных типов – причастных, адъективных, субстантивных (в виде приложений и сегментов), местоименных; в другой – узкие временные рамки этого вхождения в язык «аграмматических», т. е. нарушающих, или, точнее, разрушающих, линейную цепочку традиционных подчинительных синтетических связей, элементов, а также активное сопротивление употреблению нерусских оборотов – гораздо более интенсивное и востребованное в русском языковом сознании и вкусе карамзинской и пушкинской эпохи, чем борьба с обветшалым оборотом «дательный самостоятельный», вызывавшим у ряда поэтов ностальгические чувства (очевидно, на фоне патриотического подъема в общественном сознании во время и после наполеоновских войн);

4) независимые обособленные обороты служили целям экономного и соответствующего строгим рамкам стихотворной строки выражения значений обусловленности, конкурируя с придаточными частями: обособление, не требующее введения подчинительного союза, сразу удлиняющего строку и метрическую схему, позволяло выдвигать каузативный смысл на первый план в структуре высказывания, задавать более четкий ритм фразы, кратко выражать итоги размышлений над жизнью вообще и собственной судьбой, создавать своеобразные лирические «ретроспекции» (подобно тому, как инфинитивные ряды в поэзии обычно воплощают идею «жизненной программы», или «перспекции»), а номинативные ряды часто формируют хронологическую «экспозицию»); поэтому с уходом грамматически не привившихся на русской почве независимых обособлений более явно и интенсивно проявилась «экспансия» обстоятельственных смыслов в сферу согласованных, соответствующих русской грамматической норме, обособленных оборотов (прежде всего именных – адъективных и субстантивных, которые с 1820-х гг., наряду с атрибутивной функцией, все регулярнее начинают выражать сирконстантную семантику, в отличие от сужавших свой семантический спектр до таксисных смыслов деепричастных групп);

5) эксперименты с абсолютным обособлением – яркое свидетельство усиления тенденций к аналитизму в эволюции русского литературного языка Нового времени и – одновременно – сильного и победного сопротивления этим тенденци-

ям со стороны грамматической системы, охраняющей свои традиционные синтетические основы от чуждого влияния.

Список литературы

- Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века: фонетика, морфология, ударение, синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
- Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
- Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.; Л.: Academia, 1935. 457 с.
- Винокур Г. О.* Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 138–161.
- Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. Т. 1. 816 с.; Т. 2. 480 с.
- Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 590 с.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- ИГРЯ – Историческая грамматика русского языка: Синтаксис: Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М.: Наука, 1978. 446 с.
- Ковтунова И. И.* Изменения в системе осложненного предложения // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М., 1964. С. 369–482.
- Листрова-Правда Ю. Т.* Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. 144 с.
- Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7. 997 с.
- Лотман Ю. М.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1975. Вып. 358. С. 203–204.
- Мещерский Н. А.* К вопросу о взаимодействии языков на уровне синтаксиса // Вопросы грамматического строя и словообразование в русских народных говорах: Межвуз. науч. сб. Петрозаводск, 1976. С. 12–20.
- Онищенко Н. К., Биккулова О. С.* Проблема деепричастной нормы и категория субъекта // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2016. Вып. 10: Материалы междунар. науч. конф. «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». С. 220–232.
- Патроева Н. В.* Очерки по теории и истории русского синтаксиса: Науч. электрон. изд. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016.
- Пичхадзе А. А.* Об предикативном vs атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2016. Вып. 10: Материалы междунар. науч. конф. «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии». С. 499–515.
- Потебня А.* Из записок по русской грамматике. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: Издание книжного магазина Д. Н. Полуехтова, 1888. Т. 1–2.
- ПРГ – Практическая русская грамматика. Изданная Николаем Гречем. СПб.: В типографии издателя, 1834. 526 с.

Припадчев А. А. Особенности употребления деепричастий в архаических конструкциях на материале деловой письменности XVII века // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Сб. ст. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. С. 122–128.

РГ Барсова – «Российская грамматика» А. А. Барсова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.

РГ – Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 408 с.

РРР – Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1973. 485 с.

Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. СПб., 2016б. 432 с.

Соболевский С. И. Древнегреческий язык. СПб., 2016а. 616 с.

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1992. 304 с.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во МГУ, 1985. 215 с.

Хютль-Ворт Г. О западноевропейских элементах в русском литературном языке XVIII в. // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков: Сб. ст. М., 1974. С. 144–153.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 720 с.

Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax / Unter Mitarbeit von F. Keller und E. Weiher. Freiburg i Br.: U. W. Weiher, 1996. Bd. 3. S. 184–186.

Worth D. S. The Dative Absolute in the Primary Chronicle: Some Observations // Harvard Ukrainian Studies. 1994. Vol. 18, № 1/2. P. 29–46.

Список источников

Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. 3-е изд. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.

Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит. 1982. Т. 1: Стихотворения. 462 с.

Державин Г. Р. Соч. М.: Правда, 1985. 576 с.

Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1967. 502 с.

Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: Худож. лит., 1959. Т. 1. 480 с.; Т. 2. 488 с.

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1956. 547 с. (Библиотека поэта; Большая серия)

Крылов И. А. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1945. 619 с.

Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель, 1989. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 688 с.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л.: АН СССР, 1959. Т. 8. 1279 с.

Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1. 735 с.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 607 с.

Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 577 с.

References

Bulakhovsky L. A. *Russkiy literaturnyy yazyk pervoy poloviny 19 veka: fonetika, morfologiya, udarenie, sintaksis* [Russian literary language of the first half of the 19th century: phonetics, morphology, stress, syntax]. Moscow, Uchpedgiz, 1954, 468 p.

Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, 623 p.

Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis: Prostoe predlozhenie [Historical Russian grammar: Syntax: a simple sentence]. V. I. Borkovsky (Ed.). Moscow, Nauka, 1978, 446 p.

Hüttl-Worth G. O zapadnoevropeyskikh elementakh v russkom literaturnom yazyke 18 v. [On the Western European elements in the Russian literary language of the 18th century]. In: *Voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii vostochno-slavyanskikh yazykov: Sb. st.* [Questions of historical lexicology and lexicography of East Slavic languages]. Moscow, 1974, pp. 144–153.

Kovtunova I. I. Izmeneniya v sisteme oslozhnennogo predlozheniya [Changes in the system of complicated sentences]. In: *Izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke 19 veka: Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka 19 veka* [Changes in the system of simple and complicated sentences in the Russian literary language of the 19th century: Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the 19th century]. Moscow, 1964, pp. 369–482.

Listrova-Pravda Yu. T. *Otbor i upotreblenie inoyazychnykh vkrapleniy v russkoy literaturnoy rechi 19 veka* [Selection and usage of foreign-language inclusions in Russian literary speech of the 19th century]. Voronezh, VSU Publ., 1986, 144 p.

Lotman Yu. M. Spory o yazyke v nachale 19 v. kak fakt russkoy kul'tury [The controversy about the language in the early 19th century as a fact of Russian culture]. *Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis*. 1975, iss. 358, pp. 203–204.

Meshchersky N. A. K voprosu o vzaimodeystvii yazykov na urovne sintaksisa [To the question on the languages interaction on syntax level]. In: *Voprosy grammaticheskogo stroya i slovoobrazovanie v russkikh narodnykh govorakh: Mezhev. nauch. sb.* [Problems of grammar and word-formation in Russian colloquialisms: Coll. of interuniv. sci. art.]. Petrozavodsk, 1976, pp. 12–20.

Onipenko N. K., Bikkulova O. S. Problema deeprichastnoy normy i kategoriya sub"ekta [The problem of participial norms and the category of the subject]. In: *Tr. In-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 10: Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii"* [The Proceedings of the Institute of the Russian Language named after V. V. B. Vinogradov. Iss. 10: Proceedings of the International Scientific Conference "Grammatical Processes and Systems in Synchrony and Diachrony"]. Moscow, 2016, pp. 220–232.

Patroeva N. V. *Ocherki po teorii i istorii russkogo sintaksisa* [Essays on the theory and history of Russian syntax]. Petrozavodsk, PetrSU Publ. House, 2016, pp. 16–22.

Pichkhadze A. A. Ob predikativnom vs. atributivnom upotreblenii prichastiy v drevnerusskom: neizmenyaemye prichastiya [About predicative vs. attributive use of participles in Old Russian: unchangeable participles]. In: *Tr. In-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 10: Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii"* [The Proceedings of the Institute of the Russian Language named after V. V. B. Vinogradov. Iss. 10: Proceedings of the International Scientific Conference "Grammatical Processes and Systems in Synchrony and Diachrony"]. Moscow, 2016, pp. 499–515.

Prakticheskaya russkaya grammatika. Izdannaya Nikolaem Grechem [Practical Russian grammar. Published by Nicholas Grech]. St. Petersburg, V tipografii izdatelya, 1834, 526 p.

- Potebnaya A. *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From the notes on Russian grammar]. 2nd ed., rev. and suppl. Kharkov, Izd. kn. magazina D. N. Poluekhova, 1888.
- Pripadchev A. A. Osobennosti upotrebleniya deeprichastiy v arkhaischeskikh konstruktsiyakh na materiale delovoy pis'mennosti 17 veka [Features of the use of verbal participations in archaic constructions on the material of business writing of the 17th century]. In: *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu: Sb. st.* [Materials on Russian-Slavonic linguistics: Coll. art.]. Voronezh, VSU Publ., 1979, pp. 122–128.
- Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhe sokrashchenoy Grammatiki polnee izlozhennaya* [The Russian grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his own abbreviated Grammar, more fully expounded]. St. Petersburg, Tip. I. Glazunova, 1831, 408 p.
- “*Rossiyskaya grammatika*” A. A. Barsova [“Russian grammar” by A. A. Barsov]. Moscow, MSU Publ., 1981, 776 p.
- Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. E. A. Zemsky (Ed.). Moscow, Nauka, 1973, 485 p.
- Shahmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [The syntax of the Russian language]. Moscow, FLINTA, Nauka, 2014, 720 p.
- Sobolevsky S. I. *Drevnegrecheskiy yazyk* [Ancient Greek language]. St. Petersburg, 2016a, 616 p.
- Sobolevsky S. I. *Grammatika latinskogo yazyka* [Latin grammar]. St. Petersburg, 2016, 432 p.
- Teoriya funktsional'noy grammatiki. Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'* [Theory of functional grammar. Subjectivity/objectivity. Communicative perspective of the statement. Certainty/uncertainty]. A. V. Bondarko (Ed.). St. Petersburg, Nauka, 1992, 304 p.
- Uspensky B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka 18 – nachala 19 veka. Yazykovaya programma Karamzina i ee istoricheskie korni* [From the history of the Russian literary language of the 18th – beginning of the 19th century. Karamzin's language program and its historical roots]. Moscow, MSU Publ. 1985, 215 p.
- Vinogradov V. V. *Yazyk Pushkina* [The language of Pushkin]. Moscow, Leningrad, Academia, 1935, 457 p.
- Vinokur G. O. Russkiy literaturnyy yazyk v pervoy polovine 18 veka [Russian literary language in the first half of the 18th century]. In: Vinokur G. O. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, 1959, 138–161 pp.
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd. ed., Moscow, LRC Publishing House, 2004, 872 p.
- Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoy pis'mennosti: V 2 t.* [History of the Russian language: in 2 vols]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2017, vol. 1, 816 p.; vol. 2, 480 p.
- Zhivov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii 18 veka* [Language and Culture in Russia of the 18th Century]. Moscow, LRC Publishing House, 1996, 590 p.
- Večerka R. *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax* [Old Slavic (Old Bulgarian) syntax]. F. Keller, E. Weiher (Comps). Freiburg i. Br. : U.W. Weiher, 1996, vol. 3, pp. 184–186.
- Worth D. S. The Dative Absolute in the Primary Chronicle: Some Observations. *Harvard Ukrainian Studies*. 1994, vol. 18, no. 1/2, pp. 29–46.

List of sources

- Baratynsky E. A. *Polnoe sobranie stikhotvorenyy* [Complete poems]. 3rd ed. Leningrad, Sov. pisatel', 1989, 464 p.
- Derzhavin G. R. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda, 1985, 576 p.
- Dmitriev I. I. *Polnoe sobranie stikhotvorenyy* [Complete poems]. 2nd. ed. Leningrad, Sov. pisate', 1967, 502 p.
- Kantemir A. *Sobranie stikhotvorenyy* [Collected poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1956, 547 p. (Biblioteka poeta; Bol'shaya seriya [Poet's library; Large series])
- Krylov I. A. *Polnoe sobranie soch.: V 3 t.* [Complete works: in 3 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1945, 619 p.
- Lermontov M. Yu. *Poln. sobr. stikhotvorenyy: V 2 t.* [Full collected poems: in 2 vols]. Leningrad, Sov. pisatel', 1989, vol. 1, 688 p.; vol. 2, 688 p.
- Lomonosov M. V. *Poln. sobr. soch.: V 11 t.* [Complete works: in 11 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 8, 1279 p.
- Pushkin A. S. *Soch.: V 3 t.* [Works: in 3 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1985, vol. 1, 735 p.
- Sumarokov A. P. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad, Sov. pisatel', 1957, 607 p.
- Trediakovsky V. K. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1963, 577 p.
- Vyazemsky P. A. *Soch.: V 2 t.* [Works: in 2 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1982, vol. 1: Stikhotvoreniya [Poems], 462 p.
- Zhukovsky V. A. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Coll. works: in 4 vols]. Moscow, Leningrad, Khudozh. lit., 1959, vol. 1, 480 p.; vol. 2, 488 p.

Сведения об авторе

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, профессор, ведущий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)

nvpatr@list.ru
ORCID 0000-0003-3836-6393

Information about the author

Natalia V. Patroeva – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Language at the Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

nvpatr@list.ru
ORCID 0000-0003-3836-6393